

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ

Владимир ВОЙНОВИЧ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РАБОТА

Сначала он жил бедно, но счастливо. Потом — опально и опять — счастливо. Потом — на чужбине, лишенный гражданства. И снова — счастливо. Теперь — между двух городов. Благополучно, но суетно. И все равно счастливо.

Веста БОРОВИКОВА

Прошу выплатить гонорар!

— «Чонкин» принес вам славу. Когда вы обдумывали его, знали, во что это выльется?

— Поначалу я не думал, что во что выльется, ни на что не рассчитывал и писал «в стол». И не очень верил в возможность его публикации в Советском Союзе. Тем не менее я предпринял некоторые шаги в этом направлении. Я заключил с «Мосфильмом» договор на сценарий, хотя «Чонкина» они еще не читали.

— Это был, надо полагать, опрометчивый шаг с их стороны.

— Это был хитрый ход с моей стороны. Я хотел легализовать эту вещь. Я отдал «Чонкина» на «Мосфильм», тем самым показывая, что я ничего в нем запретного не вижу.

— Вы надеялись, что они тоже «сделают вид»?

— Я не настолько был наивен. Я принес сценарий и стал ждать ответа. Через двадцать дней после подачи сценарий считается принятым, если нет отказа со стороны студии. Я прождал полгода. «Мосфильм» молчал. Я написал заявление: «Я неоднократно интересовался судьбой моего сценария, ответа не последовало. Следовательно, сценарий считается принятым. Прошу выплатить гонорар». «Мосфильм» начал мне звонить, поздравлять с днем рождения и «просил» забрать свое заявление. В конце концов я над ними сжалился и заявление забрал.

Кроме того, я послал первую часть рукописи в «Новый мир». Твардовский отверг ее, и она стала ходить по рукам. Совершенно бесконтрольно. И без моего ведома попала на Запад.

— Каким образом?

— Каким образом — это понятно, а вот с кем именно — для меня загадка до сих пор.

— Никто из ваших друзей не сказал впоследствии: «Это сделал я?»

— Это сказал мне однажды известный диссидент Петр Якир. Но у меня были другие предположения.

Толстого тоже исключили из церкви

— На что вы жили, когда начались «проблемы» с «Чонкиным»?

— Я вообще-то был уже довольно известным писателем к тому времени. Славу мне принес не «Чонкин». В шестидесятом году я написал песню «Я верю, друзья, караваны ракет...» на музыку Оскара Фельцмана, она стала знаменитой. Я писал и другие песни, за которые получал деньги. Я получал деньги за другую мою прозу, которая печаталась. Я писал пьесы, которые широко шли по всей стране, писал киносценарии. Я жил сравнительно неплохо, пока «Чонкин» не появился на Западе. Сначала на меня стали давить за то, что я подписывал письма в защиту разных людей. Потом объявили строгий выговор. Потом убрали из театров мои пьесы. Потом запретили книги. А в 69-м, когда «Чонкина» опубликовали в журнале «Грани» во Франкфурте-на-Майне, я был полностью запрещен. И тут мне стало довольно трудно материально. А сам что-то посылать на Запад я сначала боялся. Но потом понял, что выхода у меня никакого нет. Меня просто тихо удавят или, как говорил Василий Гроссман, «удушат в подворотне». И я начал с 73-го года посылать свои вещи на Запад. И стал неплохо жить на западные гонорары. Которые я, обходя советские правила, ухитрился частично получать здесь в рублях.

— Тогда почему вас обвинили в тунеядстве?

— Обвинение было не совсем официальным. Ко мне просто пришел милиционер и спрашивает: «Вы где-нибудь работаете?» — «Работаю». — «А где вы работаете?» — «Вот за этим столом». — «А кем вы работаете?» — «Писателем работаю». — «Но вас же исключили из Союза писателей!» «Толстого даже из церкви исключили, но он все равно остался Толстым». Тогда он спрашивает, как вы сейчас: «На что вы живете, если не секрет?» Я ему говорю: «Вообще-то для всех это не секрет, только для вас. Но я вам его не скажу». Он попросил меня написать объяснение. Я написал объяснение: «В ответ на вопрос участкового отвечаю: мои книги публикуются во многих странах мира, на многих языках, и, как всякий известный писатель, я зарабатываю достаточно, чтобы содержать себя и свою семью. Данное объяснение считаю исчерпывающим. И подписался теми зва-

ниями, которые у меня уже были: член Баварской академии, член французского Пен-клуба, почетный член американского Общества имени Марка Твена». Потом я показал ему свои книги: «Видите, сколько? По-моему, не работая, их не напишешь». И он ушел.

— Больше вас не беспокоили?

— Меня оставили в покое на год. А через год он пришел снова: «Вы написали очень хорошее объяснение. Но у нас сменился начальник. И требуется новое». «А Советская власть у вас не сменилась?» Он испугался: «Советская власть — нет». «Тогда ваш старый начальник должен был передать новому начальнику все дела, в том числе и мое заявление». И еще я его спросил: «Скажите, а зачем вы ко мне пристаёте? Вы хотите, чтобы я устроился на какую-нибудь работу?» — «Да, желательно было бы». — «Хорошо. Я согласен работать в нашем домоуправлении дворником». Он обрадовался: «Правда?» — «Правда». — «Тогда пойдите и устройтесь» — «Послушайте, кто из нас хочет, чтобы я где-то работал? Вы или я? Пойдите и устройте меня дворником! Я сразу выйду на работу». Он ушел.

А я разработал план. Очень коварный. Когда они меня устроят, я куплю себе фарук и бляху, какие раньше дворники носили, возьму большую метлу, выйду на улицу, созову иностранных корреспондентов, объявлю забастовку до повышения заработной платы всем дворникам Советского Союза, брошу метлу и уйду. Но, к сожалению, больше он не приходил, и мне не удалось устроить этот спектакль.

Дочь хватает, меня — нет

— Вы родились в Душанбе и с одиннадцати лет работали там в колхозе...

— Я работал в колхозе совсем не там. Моя биография такая сложная, что ее галопом по Европам только можно пересказывать. Я в Душанбе родился и жил до четырех лет. Потом еще четыре года в городе Ленинабаде. В восемь лет мы с отцом переехали в Запорожье к его сестре. Это было в мае 41-го года. А в июне началась война, отца взяли на фронт, а мама еще была в Ленинабаде. Я с тетей, дядей и бабушкой эвакуировался в Ставропольский край. Потом — в Куйбышевскую область, куда вернулся отец после тяжелого ранения. Потом,

Екатерина ЦЕТКОВА

Сегодня знаменитому автору «Солдата Чонкина» исполняется 70 лет

Досье «ВМ»

Владимир Николаевич Войнович родился 26 сентября 1932 года в Душанбе. Начал работать с одиннадцати лет в колхозе, затем — на заводе. После армии в 1957 году поступил в Московский областной пединститут, который бросил через два года.

Первая повесть «Мы здесь живем» была опубликована в «Новом мире» в 1961 году. Через восемь лет за рубежом выходит его роман «Жизнь и приключения солдата Ивана Чонкина», за который в 1974 году его исключают из Союза писателей. В 1980 году под давлением КГБ Войнович покидает СССР и через полгода лишается советского гражданства. За границей он пишет романы «Трибунал» (1984), «Москва 2024» (1986), повесть «Шапка» (1987). В 1991 году писателю возвращают гражданство.

Живет и работает в Мюнхене и Москве.

уже воссоединившись с мамой, — в Вологодскую. И там в 11 лет я начал работать в колхозе. Мы жили очень бедно, но счастливо.

— У вас есть братья и сестры?

— Там, в Вологодской области, у меня родилась сестра Фаина, которая была на 12 лет младше меня. Я ее нянчил. Потому что зимой я в колхозе не работал, а родители работали. Так что она отчасти выросла и на моих руках. К сожалению, ее уже нет.

— Ваша дочь живет в Германии и пишет прозу на немецком. Ваше мнение о ее литературных опытах?

— Это уже не опыты. Она напечатала две книжки. Ей было семнадцать лет, когда вышла ее первая книжка. Ее сразу раскупали. Я пришел в магазин, где наши книжки были рядом. Смотрю — ее хватают, а мой никто не берет.

— Чего в вас было тогда больше — радости

за дочь или?..

— Радости. Я бы очень хотел, чтобы все мои дети меня превзошли.

— Все мои дети — это сколько?

— У меня их трое. Еще двое детей от первого брака. Дочь и сын. Они живут в Москве. Литературой не занимаются. И слава богу.

Это была страсть

— «Это была страсть, и я почувствовал себя молодым». Это вы об увлечении живописью в 62 года сказали. У вас были еще эпизоды, о которых вы могли бы так сказать?

— Ну, во-первых, у меня были эпизоды, когда я был действительно молодой. А если серьезно, живопись для меня такое же сильное чувство, как любовь. Это я говорю не для красного словца.

— Это, наверное, совсем другие эмоции, чем при написании прозы?

— Да, тут все иначе. Вы знаете, это довольно нервная работа — писать. Это проявляется во всем, начиная с позы: сидишь, сторбившись, над машинкой или компьютером, выстукиваешь букву за буквой. А когда я рисую, я чувствую себя в полете. Это куда больше, чем просто отдых. Я заметил — среди художников гораздо больше долгожителей.

У писателей куда значительней ощущаются взлеты и спады. У живописцев это встречается реже. К тому же язык живописи понятен всем. На чужбине у художника продолжается та же жизнь. А писателя мало перевести, его надо понять.

— Бродский говорил, что чтение своих переводов вызывает у него чувство восторга, которое быстро сменяется ужасом. А у вас?

— Ну, я мало читаю свои переводы. Но, когда читаю, то тоже часто прихожу в ужас. У меня в одном рассказе сельский герой рассказывает свои друзьям, что его жена нигде в районе не могла найти зеленого вина. А зеленым вином во Владимирской области называют водку, причем самую плохую. А в переводе говорится о молодом вине. То есть мой алкоголик, который готов есть зубную пасту, оказывается таким гурманом, что только молодое вино ему подавай!

Мастер спорта встал передо мной на колени

— Вы в своей жизни совершали поступки, о которых вам страшно вспоминать?

— Я совершал много сумасбродных поступков. Совершенно идиотских. Например, когда я жил в Запорожье, я летал на планере. И когда первый раз полетел, я расстегнулся. А планер был с открытой кабиной. И в этот миг он ухнул вниз. Я оторвался от сиденья и повис над ним, но успел схватиться за ручку управления. Но если бы я ее хоть чуть-чуть толкнул вперед, планер вошел бы в пики и я под действием центробежной силы точно вылетел бы из него. Как-то я все-таки сел на землю. И с тех пор всегда в самолете пристегиваюсь.

Однажды я ехал на свидание к своей будущей жене. А она была в гостях у писателя Владимира Тендрякова в Красной Пахре. Надо было переезжать через речку Пахру. Я подъехал к ней и вижу — мост разобран. Только сваи с поперечными бревнами. А на берегу валялись доски. Толстые, но мерзлые. И я взял две доски и перекинул их через речку. Там был сторож. Такой же дурак, как и я. Что он там сторожил, не знаю. Я ему говорю: «Ты смотри под колеса и показывай руками, как там и что». Я переехал эту речку по доскам и приехал к невесте. А у него гостили его брат — автомобильный гонщик, кажется, даже мастер спорта. Оба брата мне не поверили, что я смог переехать по доскам. Мы пошли смотреть. Только что выпал снег, и следы были видны. Так этот мастер спорта стал передо мной на колени и снял шапку.

Так вот, в обоих случаях, когда я это делал, мне все это нравилось. А сейчас, когда я вспоминаю это, мне становится страшно.

Я бы вернулся

— Вы хотели бы вернуться назад? Например, в 61-й год, когда «Новый мир» опубликовал вашу первую повесть?

— А все, что было, будет опять?

— Неизвестно. Но зато вам остается талант и свобода выбора.

— И творческая тоже?

— Насколько она была возможна в 61-м году.

— Так, да? Конечно, я бы вернулся. Рисковать и начать жизнь сначала — это было бы неплохо. Но, к сожалению, это невозможно. Я не верю в жизнь после смерти.

— Вы убежденный...

— Нет. Я сомневающийся. Но я знаю, что наша жизнь — это наша память. Отними у нас память — и не было бы жизни.